

И РЕΣΙΟΝΑ

Φ. ΖΕΛΙΝΣΚΙЙ

ΑΤΤΙΧΕΣΚΙΕ

ΣΚΑΖΚΙ

Ι
ΤΑΪΝΑ
ΔΟΛΓΙΧ
ΣΚΑΛ

ИЗДАТЕЛЬСТВО М. и С. ЗАБАШНИКОВЫХ.

ИЗДАНИЕ. 1921

Гуманитарному центру —
Библиотеке имени семьи Полевых
на 90-летие памяти —
в День города —
профессор ИГУ
Виталий Зоркин

6.11.104.
Иркутск

ВЫДАЧА
ЦЕНТРА
КНИЖНОСТИ

82.3(0)

3-49

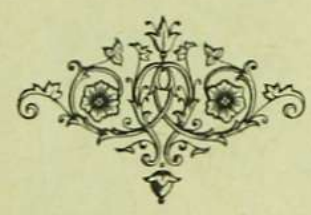
ИРЕСИОНА

АТТИЧЕСКИЕ СКАЗКИ

Ф. Ф. Зелинского

I

ТАЙНА ДОЛГИХ СКАЛ

ПЕТРОГРАД

1921

ГЦ
ФОНД
РЕДКИХ КНИГ

ГУМАНИТАРНЫЙ
ЦЕНТР
Г. ИРКУТСК

Бр. (1)

✓

ФФК

✓

Обложка и иллюстрации исполнены художн. Н. А. Энман
под руководством Ф. Ф. Зелинского

Отпечатано
в 15-й Государственной типографии
(б. Голике и Вилборг)
под наблюдением В. И. Анисимова

Р. В. Ц.

Отпечатано в количестве 4000 экз.

I

Были Анфестерии, весенний «праздник цветов». Креусе, младшей и тогда уже единственной дочери старого афинского царя Эреклея, надлежало в этот день, спустившись с Акрополя на подгорный луг, нарвать цветов, чтобы украсить могилу своей матери Праксифеи. Зная об этом ее намерении, ее няня Евринома вошла к ней в светелку, чтобы одеть ее в приличествующее поминальному дню темное платье.

Она застала ее еще спящей, с блаженной улыбкой на устах, но, видно, ворвавшийся через открытую дверь дневной свет рассеял ее сон. Она поднялась, схватила Евриному за руку, но долго не могла промолвить слова. Наконец, она пришла в себя; увидев на руках старушки хитон пепельного цвета, она с ужасом отшатнулась.

— Нет, нет, не этот. Принеси мне из заповедного ларца белый хитон с золотой каймой, вышитый моей матерью.

— Что ты, дитячко! Разве ты забыла, какой сегодня день? Да и в другой я бы тебе его не дала:

завет твоей матери был, чтобы ты надела его впервые в день твоей свадьбы.

— Послушай, няня, что мне приснилось. Ко мне подошел дивный юноша, такой красоты, какой я еще никогда не видала. Он взял меня за руку и сказал: «Креуса, надень вышитый твоей матерью хитон и выйди на подгорный луг, что у Долгих скал».

— Но закон, дитяtko, закон!

— Няня, да от кого же и закон, коли не от богов? А сон разве не от тех же богов? А если бог дал закон, то он же может и освободить от него.

— Ох, дитяtko, уж больно ты умна; куда мне старой угнаться за тобой! Только вот что помни. Твоя мать, покойная царица Праксифея, была у нас первой ткачихой в Афинах: да я думаю, такой другой мастерицы теперь во всей Элладе не найдешь. Ее хитон — красота неопиcуемая: смотри, береги его!

Вскоре хитон Праксифеи покрыл молодое тело ее дочери. Няня была права: красоты он был изумительной. Изображена была на нем победа Паллады-Афины над гигантом Энкеладом. В центре стояла богиня; в правой руке она потрясала эгидой с головой Горгоны; налево лежал в прахе гигант, стараясь отвернуть лицо от страшного зрелища; с другой стороны сама Земля верхней половиной своего тела поднималась из своей стихии, умоляя победительницу пощадить ее сына.

Все же был уже полдень, когда Креуса, спустившись с Акрополя, очутилась на лугу у Долгих скал.

Прежде всего она, минуя источник Клепсидру, подошла к пещере, тогда еще довольно глубоко проникавшей в недра скалы. Она была посвящена нимфам; здесь, полагали люди, жили они, отсюда слышались иногда их песни, отсюда они благословляли и луг, самый влажный и цветистый во всей местности. Их алтарь находился перед пещерой; Креуса сотворила молитву перед ним и украсила его первыми цветами, которые она сорвала на лугу.

Затем она вернулась на луг. Зелени на нем еще не было — время было раннее — зато цветов высыпало множество: анемоны и маки, фиалки и нарциссы. У Креусы была корзинка; бережно подняв хитон, чтобы не изорвать его о шипы прошлогодних колючек, она принялась за работу.

Когда она спускалась с родной горы, ее ласкал теплый южный ветер, дувший с Саронского залива; теперь, к полудню, он улегся, все было тихо. Было что-то вяжущее в этой недвижной полуденной тишине. Солнце, несмотря на раннее время года, уже заметно пригревало, но его лучи, казалось, тоже застыли и ложились какой-то сковывающей броней вокруг тела. Креуса чувствовала, что неведомая до тех пор истома вливалась в ее жилы: ей стало и жутко и сладко, как еще никогда.

Все же нужно было приняться за работу. Анемоны и маки, фиалки и нарциссы — да, это именно то, что нужно. Мало по малу они наполнили корзинку девушки. Можно итти домой.

Но что это? Невиданный до сих пор цветок, алый с большими лепестками, с золотой сердцевинкой. И рядом еще один, а там другой, голубой, еще краше того; пунцовый, желтый, синий — все цвета радуги. И их чашечки так разнообразны: то закругляются шариками, то рассыпаются гроздьями, то свешиваются мешечками, то заостряются стрелками. И душистые, душистые — такой запах разве только в саду Зевса слышится, где девы-Геспериды растут молодильные яблоки для богов.

Креуса опрокидывает корзинку: прощайте, анемоны и маки, фиалки и нарциссы! Она рвет новые, невиданные цветы, сколько можно вместить. То-то удивится няня! И рвать нетрудно: цветы сами просятся в руку, выростая повсюду, где она коснется земли.

Чу, кто то зовет... Нет, это жаворонки поют. Как звонко, как сладко! Эти трели положительно проникают в душу, вместе с лучами солнца. Весь воздух ими напоен. Он дрожит от них, дрожит...

Все таки кто-то зовет. Это из пещеры, она явно слышит свое имя. Нимфы поют — ну да, полдень: это их час. «Креуса! Креуса!» Как сладко плывет это имя по неподвижному воздуху и колыхается на волнах солнца, волнах благовоения, волнах жаворонковых трелей. «Креуса! Креуса!» А дальше что? «Гимен! Гименей!» Свадебная песнь? Кому? Ей! Ну, да — на то и наряд на ней свадебный. Пойте, нимфы — и подпевайте, жаворонки!

Нет, это уже не жаворонки. Звуки слышатся, и воздух от них дрожит, но это не жаворонки. Точно от лиры — только на такой лире ни один смертный не играет. «Гимен! Гименей!» Прозвучало — и обор-

валось. Нимфы умолкли: с такими звуками даже они состязаться не смеют. И цветов уже не видно; ничего не видно. Она всем своим существом пьет небесные звуки, они наполняют ее всю. И жутко, и сладко. Нет, не жутко, а только сладко, так сладко, как никогда. Никогда? Уж будто никогда?

Она закрыла глаза — ей припомнился ее сон. «Как чудно, как чудно! Мне кажется, если бы он стал вдруг передо мной — я бы не удивилась».

Она открыла глаза... Он стоял перед ней.

III

Прошли весна, лето, осень; отшумел ненастный Мемактерион, но сменивший его холодный месяц Посидеон после немногих тихих «алкиониных» дней принес еще худшую бурю. Весь день тучи мчались над равниной, задевая Акрополь подолом своей влажной ризы; к вечеру они завертелись, заплясали под свист урагана.

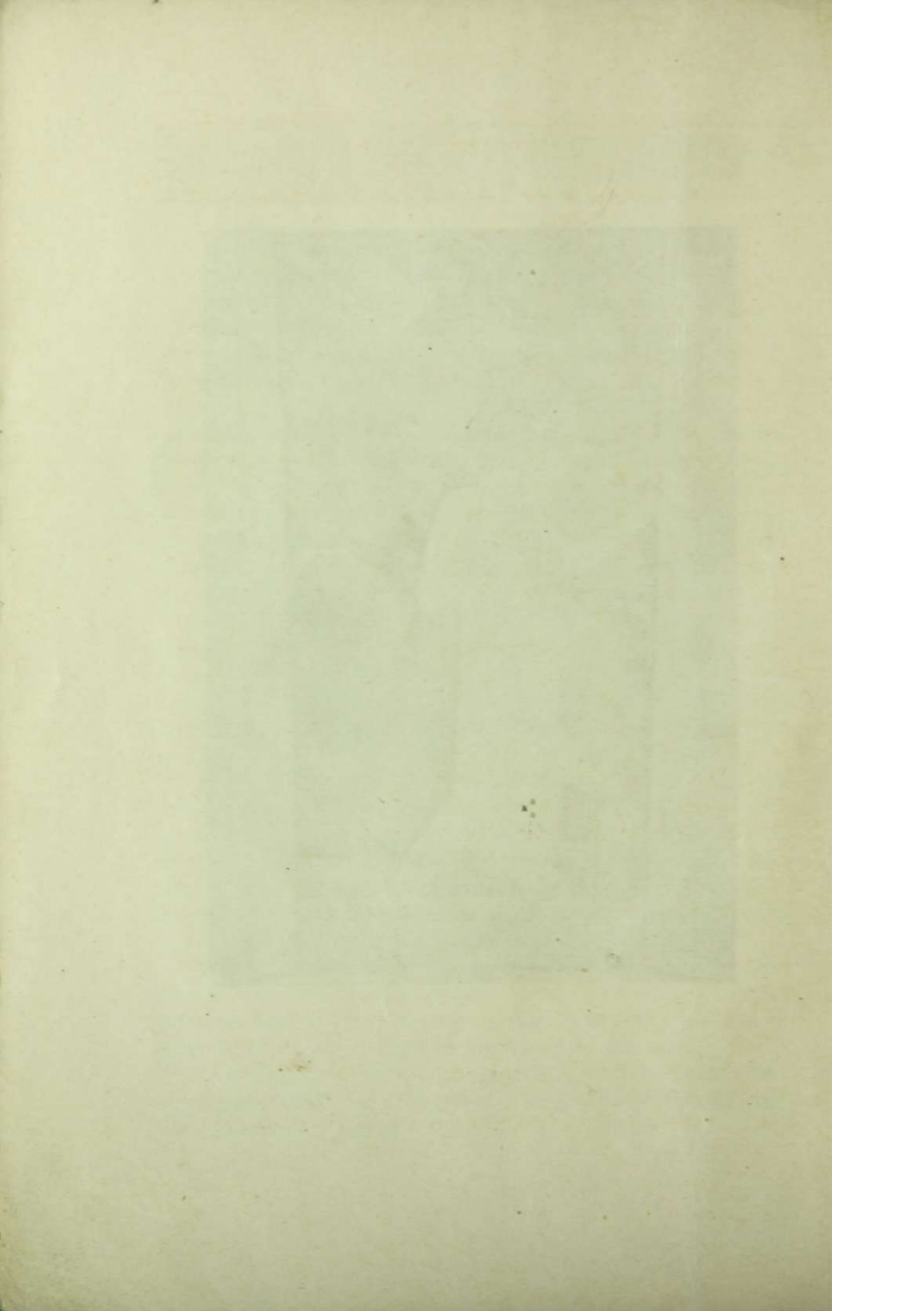
В одной из комнат женской половины, плотно затворив дверь, ведущую в перистиль, грелись у жаровни две старушки — няня Евринома и ключница Никострата. Обе пряли при свете смолистой лучины, и их старушечья речь сопровождала тянущуюся из пряжи нитку.

— В такую ночь, — сказала Никострата, — к нам пришел с Гиметта пастух с грустной вестью, что наша старшая царевна Прокрида и ее муж лежат убитые на берегу Харадры. Умолкли тогда песни в нашем доме; царь Эрахфей посыпал пеплом свою главу, а царица Праксифея слегла в ту постель, с которой ей уже не суждено было встать.

— В такую ночь, — сказала Евринома, — Борей умчал во Фракию нашу среднюю царевну Орифию. Тогда мы все облеклись в траур; царь Эрахфей три дня не принимал пищи, а царица Праксифея умерла.

— В такую ночь, — продолжала Никострата, наматывая нитку на веретено — что делает наша младшая царевна, Креуса?

— Как, что делает? Спит в своей светелке; что же ей другое и делать?

Но Никострата покачала головой.

— А ты не заметила, как она изменилась за это лето? Куда девался ее смех и детские умные речи? Все молчит, изредка покраснеет; подружек бросила, все к нам старухам льнет, да спрашивает про вещи, которые молодым девам и знать по непристойно.

— В мать пошла, — с жаром возразила Евринома. — Та, блаженная, знала все травы, какие только растут кормилица-земля. Зато и не было такой болезни, от которой она бы не знала средства. Вот и Креуса такая же будет, — будет матерью для своей челяди, уж поверь ты мне... Аполлон-заступник, да что же это? Зимой, да гром?

Порыв урагана с треском распорил дверь и задул лучину. Сверкнула молния. В перистиле показалась Креуса, в материнском хитоне, но без левого края.

— Аполлон-заступник!

Сухой смех раздался с погруженного в мрак перистилия; затем все смолкло.

Обе старушки стояли точно в оцепенении. После долгого молчания Евринома сказала:

— Надо пойти к ней.

Никострата порывалась в углях жаровни и, раздувая огонь, зажгла потушенную лучину. Спрятав ее под своей накидкой, она в сопровождении Евриномы вышла в перистиль. Предосторожности, однако, были излишни: было совсем тихо, и через прорезы разорванных туч мелькали звезды.

Они поднялись по лестнице, в светлицу Креусы. Первое, что они там увидели — это был свешивающийся с гвоздя праздничный хитон Креусы; с него обильно текла дождевая вода. Евринома расправила его: да, левый край был оторван, два локтя в ши-

рину. Паллада попрежнему стояла, поднимая правую руку, но эгиды с Горгоной уже не было в этой руке, как не было и гиганта Энкелада, поверженного в прах грозной богиней.

Креуса лежала в своей постели под одеялом. Спала она? Ее глаза были открыты, но она ничего не видела; яркий румянец играл на ее щеках, уста лепетали что-то непонятное.

— Дитяtko, что с тобой?

Креуса не ответила. Няня захотела ее погладить, но когда она коснулась ее груди, послышался легкий крик. И опять губы зашевелились; теперь они явно прошептали:

— Долгие скалы, берегите мою тайну!

— Тайну, слышишь? — вполголоса сказала няня ключнице. — Никому ни слова о том, что мы видели и слышали!

IV

Впять началась весна, но царю Эреxfeю она принесла тревожные вести. Теснила еврейская рать; она переплыла пролив и увезла много голов скота с марафонской равнины. Крестьяне Четырехградия требовали помощи и роптали.

Пришлось царю заковать в броню старое тело и отправиться в поход.

— Да, дочь моя, — говорил он Креусе, прощаясь с ней, — тяжело старому царю, коли нет у него сыновей. Еще хорошо, что мне удалось сговориться с храбрым фессалийским бойцом [Ксуфом, младшим сыном покойного Эола. Он и мою рать поможет мне построить и свою приведет.

— А награда ему за это какая? — спросила дева.

— Третья часть добычи.

Все лето продолжался поход, но кончился победой. Еврейцы были наказаны, марафонцам возвращено увезенное добро, и царская казна обогатилась изрядной добычей. Радостно встретили афиняне старого царя-богатыря и его славного помощника.

На следующий день по возвращении Эреxfeй призвал Креусу.

— Ксуф просит твоей руки, — заявил он ей.

Креуса наклонила голову, как бы желая сказать: так я и ожидала. Но ни радости, ни девичьего стыда не было заметно на ее строгом лице.

— Я склонен исполнить его желание, — продолжал отец. — Правда, он и не первой молодости, и не первой красоты; но он храбр, деятелен и честен. А что

он не царевич-наследник, это мне даже на руку. Царевич-наследник отвез бы тебя к себе; а Ксуф останется у нас и будет мне вместо сына. Крови же он благородной; ты ведь знаешь — Эол был сыном Эллина, а Эллин — сыном Зевса. Но я хотел бы, чтобы моя воля совпала с твоей.

Креуса спокойно его выслушала и затем сказала:

— Отец, позволь мне переговорить с Ксуфом наедине.

Эрехфей, кивнув головой, открыл дверь, ведущую в малую палату.

V

Здесь впервые Креуса увидела своего жениха, сидевшего на почетном складном стуле. Против него был другой такой же стул, между которыми — низкий стол, на нем два кубка и меч, — повидимому, Ксуфа, снятый им по эллинскому обычаю перед угощением.

Ксуф не ожидал появления Креусы; ее вид привел его в крайнее замешательство. Храбрый боец, только что разгромивший еврейскую рать и в единоборстве убивший ее вождя, почувствовал внезапную робость перед молодой красавицей. Он не мог даже встать; застыв на своем месте, он смотрел на нее, как на небесное видение, не дерзая с ней заговорить.

Креуса подошла к нему с опущенной головой; ее глаза упали на меч. Она взяла его в свои руки, как бы любуясь его рукояткой из слоновой кости.

— Прекрасный меч у тебя, гость, — сказала она, чтобы начать разговор. — Как достался он тебе?

Эти слова развязали Ксуфу уста; ему сразу понравилось, что Креуса обращается с его вещью уже как бы со своей, а при вопросе о мече он окончательно почувствовал себя в своей привычной обстановке.

— Купил, прекрасная царевна, прямо с финикийского корабля; тогда он был еще совсем новый, а теперь — а теперь ты нашла бы немало зазубрин на обоих его лезвиях. И дорого же он мне обошелся: я дал за него... очень дорого.

Он собственно хотел сказать: молодую пиерийскую пленницу, но во-время благоразумно спохватился и неуклюже кончил фразу, краснея по уши.

Креуса не заметила ничего; она все казалась погруженной в созерцание меча.

— А скажи, гость,— продолжала она с легкой дрожью в голосе,— если бы он тебе достался из рук другого, был бы он тебе одинаково дорог и почитен?

— От меча мы пребудем,— с жаром ответил Ксуф,— чтобы его клинок был из прочной и гибкой халибийской стали, иначе он может разбиться о шлем противника. Тоже, чтобы он был хорошо вправлен в рукоятку; у нас кузнецы все еще не научились этому делу, как следует. А принадлежал ли меч раньше другому или нет—это неважно; не на показ мы его держим, а для боя.

Тут впервые Креуса взглянула на своего жениха— и нашла, что он ей, все таки, нравится. «Остротой ума не блещет, «подумала она», но прямодушен и, кажется, добр». Все не выпуская меча из рук, она подошла к нему еще ближе:

— Скажи мне еще одно, Ксуф....

Тот так и засиял, слыша впервые свое неблагозвучное имя из уст невесты.

... приходится вам иногда пользоваться оружием, привешенным, в виде профея, к колоннам или стенам божьих храмов?

— В случае нужды мы это делаем, Кре..., т.-е., царица, хотел я сказать; мы рассчитываем при этом, что в случае победы богато возместим убыток, а с мертвого бог не взъщеп. И Дельфы нам подтвердили, что святошества тут нет—хоть своих эксегетов спроси. Но, разумеется, снимая священное оружие, надо молиться богу, которому оно принадлежит.

— Да будут же благословенны Дельфы и их эксегеты, — ответила Креуса с легкой улыбкой.

Затем, ласково смотря на Ксуфа, она положила ему на колени его меч.

— Скажи отцу, что я согласна. Но перед свадьбой не забудь помолиться — Аполлону.

Не дожидаясь выражений его восторга, она быстро умчалась к себе.

VI

Прошло двадцать лет.

Царь Эреxfей, состарившись окончательно, умер. Страной правил Ксуф; правил умно и дельно, всегда совещаюсь в запруднительных случаях с членами Ареопага. Но приходилось ему нелегко: ему не прощали того, что он не Эреxfид, не сын священной аттической земли. Нередко дело доходило до прений; в таких случаях в совет приходила Креуса — перед дочерью Эреxfея все страсти мгновенно утихали. Но современем и это оружие приупилось: у царственной четы не было детей, и граждане с тревогой говорили себе, что вскоре кровь Эреxfея иссякнет навсегда.

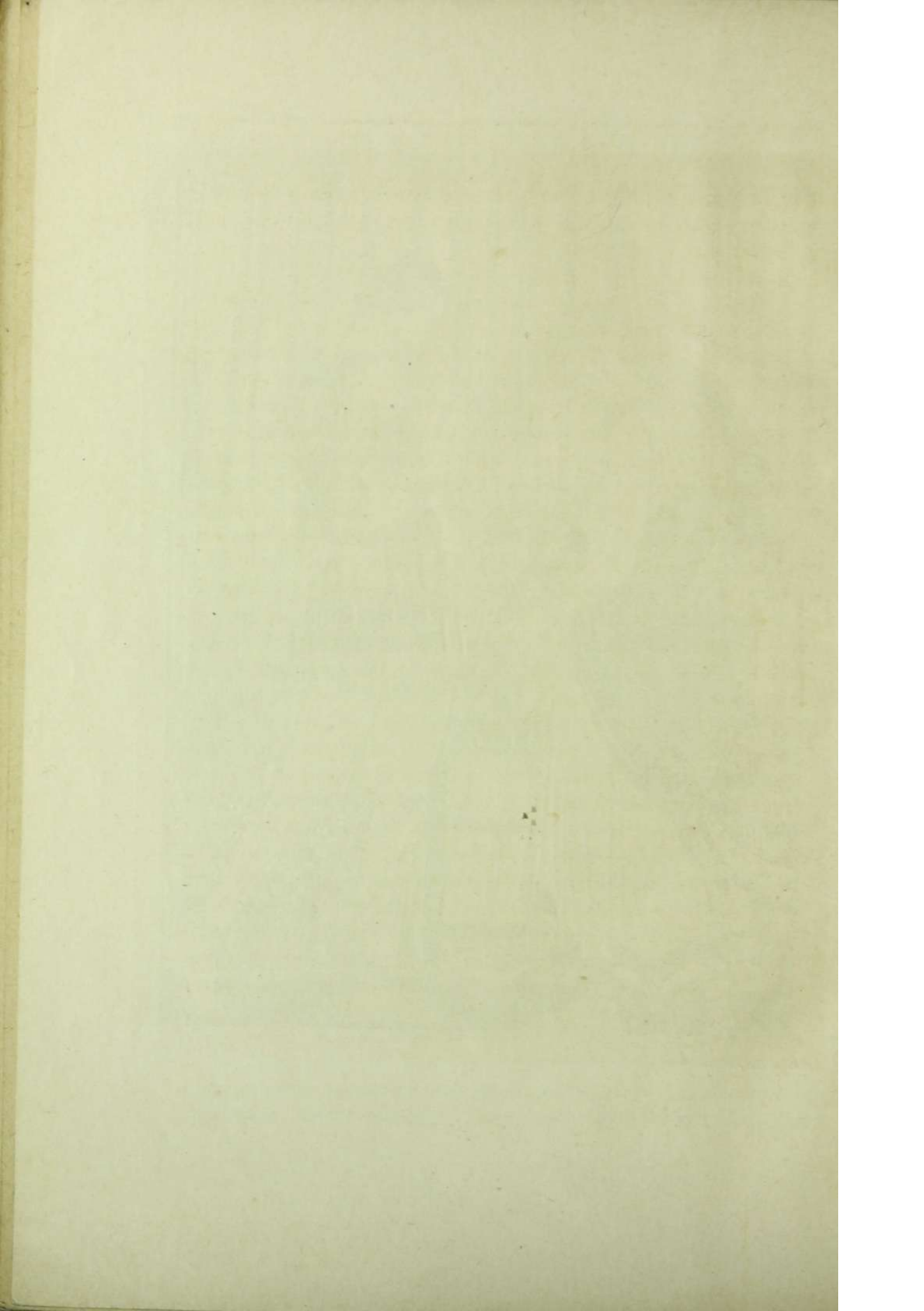
За что такой гнев богов?

Конечно, этот вопрос не переставал заботить Ксуфа и Креусу. Целые гекатомбы скота пали у алтарей богов: богатые приношения были обещаны Артемиде Бравронской и речному богу Кефису; все местные прорицатели были допрошены — все напрасно. И что более всего озадачивало допрашиваемых — боги давали не то чтобы неблагоприятные, а невразумительные, бессодержательные ответы: вещие птицы перекликались не своим голосом; рисунок на вещи печени закланного животного состоял из путанных линий, не поддававшихся никакому толкованию.

Ксуф настаивал на снаряжении священной «феории» в Дельфы, но об этом Креуса и слышать не хотела.

Однажды перед царским дворцом предстала молящая толпа женщин — впереди всех почтенная жрица Паллады, далее матери семейств, девушки и девочки;

у всех были в руках зеленые масличные ветки, обвязанные шерстяными повязками. К толпе вышел Ксуф; но жрица ему сказала:

— Мы пребудем тоже и царицу.

Пришла и Креуса — робко и с опущенной головой, точно виноватая. Тогда жрица сказала:

«Царь и царица, вам известно, что во время оно наша богиня принесла прем девам-росяницам этой горы — таинственный ковчег, запретив им открывать его. Из них одна соблюла заповедь богини, но две другие нарушили ее. В ковчеге они увидели младенца, которого две змеи питали пищей бессмертия. Если бы они не отворили ковчега преждевременно — младенец обрел бы бессмертие, и вечна бы была благодать богини для нашей страны. Они, наказанные безумием, бросились со скал Акрополя; младенец же, выросши в ограде богини, получил от нее царскую власть над ее страной. Это был Эрихтоний, он же и Эреxfей Первый, родоначальник наших царей — Эреxfидов.

«После долгого, счастливого правления он умер, передавая власть своему сыну Пандиону. При нем еще ярче засияла милость богов над Аттикой: Деметра и Дионис пришли в нашу страну и научили ее народ хлебопашеству и виноделию. А когда завистливый фиванский сосед пожелал вторгнуться в наши пределы, мы дали ему мужественный отпор, показывая Элладе, что город Паллады в военном деле так же могуч, как и в делах мира.

«Пандиону наследовал Эреxfей — твой отец, царица. Тяжелы были испытания, которыми боги взыскали его дом, но страна при нем процветала, и царская чета была любима народом за свою справедливость и доброту.

«За что на тебя, Креуса, обрушился гнев богов — этого никто у нас не знает. Но Зевс это знает,

и знает это его вестий сын, Аполлон. Царица, прежде чем проститься с надеждой увидетъ на престоле Эрефея наследника его крови, мы требуем, чтобы была снаряжена феория к общему очагу всей Эллады, в Дельфы».

Креуса молча выслушала слово жрицы; но видно было, как мучительно спрдала ее душа. Когда жрица, кончив, почтительно отошла в ряды просительниц, она сказала:

— Ваше пребывание справедливо, гражданки. Возьмите ваши просительские ветви, возвестите всем афинянам, что завтра же я сама отправляюсь в Дельфы вопросить волю бога.

VII

Три дня спустя Креуса скромной паломницей смешалась со всеэллинской толпой, пришедшей испросить совета у Аполлона. Священнослужителю, отбиравшему у богомольцев жертвенных животных, она передала купленного тут же барана с позолоченными рогами, привязав ему к шее символ Афин — глиняное изображение совы. Затем пришла Пифия; после краткой молитвы она произвела жеребьевку среди пришельцев, причем жребий Креусы выпал одним из первых; затем она удалилась в святая святых, предоставляя толпе, в ожидании священнодействия, любоваться украшениями первой на всю Элладу святыни.

Наконец крик Пифии возвестил всем, что в нее вселилась пророческая сила; тогда из храма вышел слуга Аполлона, юноша несказанной красоты, и стал подходить к паломникам, по определенному жребием порядку. Дошла очередь и до Креусы; увидев юношу вблизи себя, она не могла удержаться от возгласа:

— Счастлива ты, что родила тебя! Какое имя получил ты от нее?

— Ты, что меня родила, вероятно, очень несчастна; а имя мое просто — слуга Аполлона. Но об этом не время говорить; какой вопрос имеешь ты к богу?

— Мой вопрос заключен в этом обязательном и запечатанном складне, — ответила Креуса; — смертные очи не должны его читать. А как получу я ответ?

— Ответ ты прочтешь в том же складне; для бога нет тайн и преград.

Он удалился в храм; прошло несколько жутких минут. Внезапно из храма раздался новый крик Пифии, заславивший всех присутствующих вздрогнуть. Вскоре затем опять явился юноша — все заметили, что смертельная бледность покрывала его лицо. Он протянул складень Креусе.

Печать была непронута. Разломав ее, Креуса вскрыла складень — но тотчас выронила его, зашаталась и закрыла лицо руками. Складень был пуст; воск дощечек был точно выжжен огнем факела, и сами они были черны, как уголь.

В ту же минуту пришел и священнослужитель, принимавший жертвенных животных от паломников; он вел барана с позолоченными рогами.

— Где та афинянка, что дала мне барана с изображением совы? Пусть берет его и уходит поскорее; бог отверг ее жертву.

Тут толпа отшатнулась от Креусы, точно от зачумленной. Послышались голоса:

— Грешница!

— Святопятица нечестивая!

— Ты нас всех осквернила!

— Таких камнями побивают!

— Камней! камней!

Все грознее и грознее становилось настроение толпы; камни не замедлили появиться в ее руках; еще минута — и началась бы кровавая расправа.

Креуса бросилась к юноше, точно ища у него спасения; тут впервые он разглядел ее черты, заглянул в ее прекрасные, широко раскрытые в испуге глаза.

Какое то странное, неведомое раньше чувство шевельнулось в его сердце.

— Бросьте камни! — крикнул он толпе. — Кто властен полковать волю бога? Он часто унижает человека, чтобы потом возвысить его. Пойдем все к Касталийскому ключу, омоемся в его очистительных струях. — А ты, гостья, иди с миром, и да будет бог впрямь милостивее к тебе!

VIII

Нерадостна была в Афинах встреча обоих супругов.

— Бог не удостоил меня ответа на мой вопрос.

Ксуф недоумевающе посмотрел на жену, но она ни слова не прибавила — и он, зная ее, и не попытался чего либо добиться от нее.

— И все же мы не можем пренебречь просительством гражданок, — сказал он. — Придется мне самому отправиться в Дельфы.

Он и отправился, притом с богатой казной и царской свитой; молодая луна успела уже налиться, когда он вернулся. Вернулся же он видимо довольный; на вопрос жены он ответил уклончиво — «все к лучшему» — и тотчас прибавил:..

— Позволь поручить твоей милости моего нового кунака: Ион, сын Золида, дельфиец.

Креуса взглянула на гостя — и вскрикнула: она узнала юношу, спасшего ей жизнь в Дельфах. Тот казался не менее удивленным.

— Значит, у тебя было имя?

— Значит, ты была царицей?

В другое время эти невольные восклицания возбуждали бы подозрения Ксуфа; теперь же он сам казался наиболее смущенным.

— Как царь афинский, я предложил дельфийцам достойное Паллады угощение, — сказал он, как бы оправдываясь. — Думал, что и богу это будет приятно. От имени дельфийцев мне дал ответное угощение

Ион — так велел жребий. Так то мы стали кунаками. Теперь я хочу показать ему Афины. Он останется некоторое время у нас.

Креуса молча кивнула головой и отправилась в свои покои.

Ион действительно загостился. С Ксуфом он был неразлучен: учился у него конной езде и военному делу, в котором был новичком, посещал с ним членов Ареопага, объезжал деревни. Очень часто Ксуф с известной намеренностью спрашивал при посторонних его мнения — и случалось, что всякий раз это было здоровое, разумное мнение. Его обаятельность в обращении, его красота тоже снискали ему расположение людей; к нему привыкли, его полюбили и даже печалились при мысли, что он, все таки, только гость и со временем уедет, хотя и не очень скоро.

Зато царицы юноша видимо избегал; в ее присутствии он всегда чувствовал себя неловко, точно он перед нею виновен. Домашние приписывали это естественной сдержанности молодого гостя перед хозяйкой, хотя и не молодой, но все же моложавой и прекрасной, и вполне его одобряли.

— Видно, что он под благодатью вырос, — говорили они.

Все же настало время, поневоле заставившее Иона и Креусу несколько смягчить эту суровость. Вековые соседи-враги афинян, евбейцы, опять зашевелились и заняли военной силой отнятые у них Эреxfеем земли; пришлось Ксуфу отправиться в поход.

Перед отправлением он дал последнее угощение друзьям — ареопагитам и, при претъем кубке, созвав своих домочадцев, торжественно провозгласил:

— Жена, поручаю Иона твоим заботам, как хозяйки и — в виду его юности — как матери. Ион, поручаю царицу и дом твоей защите. Святой общеэллинский закон известен вам обоим.

После этих слов он пролил несколько капель вина. «Зевсу-Спасителю!» — воскликнули все. — «За нашу победу!» — крикнул Ион. Ксуф осушил кубок. — «За твое возвращение!» — прибавил старший ареопагит. Ксуф хотел подлить себе вина, но при этом выронил кубок, и он разбился.

— Так да разобьется счастье наших врагов!» — поспешил прибавить Ион. Все подхватили его толкование, заглушая чувство, возникшее у них в груди.

IX

Война затянулась; полнолуние следовало за полнолунием — афинская рать не возвращалась.

Царством управляла Креуса вместе с советом Ареопага; к помощи Иона она прибегала скорее для того, чтобы решать тяжбы крестьян в деревнях; ему приходилось поэтому часто оплучаться — что и было, повидимому, ея намерением.

В одну из его оплучек произошло следующее.

Престарелая Евринома, редко покидавшая свою старушечью постель, в крайнем волнении вошла в покой царицы; одной рукой она опиралась на посох, другой вела молодую рабыню, поже взволнованную и просившую о пощаде.

— Не проси, не проси! — повторяла Евринома. — И слышать не хочу. Расскажи царице все, что вчера рассказывала Евтихиде — все без утайки! Помни, я знаю все! Коли вздумаешь лгать — не сдобровать тебе!

Креуса опложила в спорону свою пряжу. «В чем дело?» — строго спросила она рабыню, — «что знаешь ты?»

— Ничего не знаю, госпожа, — жалобно начала раба, — кроме того, что мне рассказал Спратон, которого ты мне дала в мужья.

— А что он рассказал?

— Он был в свите царя Ксуфа в Дельфах.

— В Дельфах? — переспросила Креуса с дрожью в голосе. — Продолжай!

— Ну, там, как водится, сказал Спратон, угощение; опять угощение; затем, сказал Спратон, день вещаний. Этот юноша, тогда еще без имени, спрашивает

царя: какой вопрос прикажешь передать богу? А царь в ответ: я сам перед ликом бога предложу ему свой вопрос. И ушел, значит, в храм, а юноша, значит, остался перед храмом и стал ходить взад и вперед, дожидаясь выхода царя. А юноша то тогда был совсем без имени, сказал Спратон...

— Знаю, знаю; что же дальше?

— А дальше, значит, выходит царь — юноша ему на встречу. Царь ну его обнимать: «Здравствуй, мой сын!» Тот вырывается; не с ума ли, мол, сошел? А царь: «и вовсе не сходил я с ума, а так мне Аполлон сказал: кто мол со мной первый встретится, тот мне и сын». И дал ему имя «Ион» потому, мол, что вышел на встречу. И всей свите строго приказал: коли жизнь вам дорога, никому ни слова. И ради богов, госпожа, не выдавай. А то, узнает царь — убьет он Спратона, а Спратон меня.

— Сын, сказала ты, сын... Как же он ему сын?

— Вот и он об этом самом спросил: как же, говорит, я тебе сын, когда я дельфиец, а ты афинянин? И стал царь припоминать — понимаешь, давнишние дела. И припомнил он, что когда то, лет двадцать назад, справлялся в Дельфах праздник Диониса, и дельфийския вакханки...

Раздирающий крик, вырвавшийся из груди царицы, не дал ей продолжать. Сорвавшись с места, она выбежала на площадку перед дворцом. Грозно подняла она руку по направлению к Киферону и дельфийской дороге:

— Будь проклят, будь проклят, будь проклят! — вопила она в исступлении. — За что ему, а не мне? Чем он тебе стал дорог? А, его кровь расцветет в доме Эрефея, а моя...

Силы оставили ее. Когда она очнулась, она увидела няню рядом с собой.

— Бог с тобой, дочь моя, что значат твои страшные речи? Проклятьями делу не поможешь, надо

действовать, и быстро, пока твой муж не вернулся. Нельзя допустить, чтобы он своего незаконного сына, прижитого с какой-то шальной дельфийкой, посадил на престол твоего отца.

Креуса покорно слушала, ничего не отвечая.

— Послушай, что я тебе скажу, дочь моя. Твоя мать, блаженная царица Праксифея, знала все правды, какія только растут кормилица-земля, — знала, какія исцеляют, знала, какія убивают. Она и мне это знание оставила. Ты его мне предоставь, когда он вернется — и дело будет сделано.

Но Креуса покачала головой. «Он мне спас жизнь, а мне его убивать? Нет, няня, нехорош твой совет; не дело дочери Эрефея вступать на этот путь.

Глаза ее сверкнули гордостью и отвагой.

— Ясности хочу я — ясности и правды. У нас в Афинах божья правда нашла свою первую обитель. Сама Паллада учредила здесь первый в мире суд — суд справедливый и неподкупный. Даже боги не гнушались предстать перед этим судом — Арес перед ним ответил за кровь Посидонова сына, которого он убил в справедливой мести за честь своей дочери; и с тех пор этот суд называется судом Ареопага.

Тут она поднялась и вторично протянула руку к Киферону и дельфийской дороге.

— И я хочу вызвать бога в Ареопаг!

Х

Когда Ион вернулся, он, по заведенному обычаю, послал к царице спросить ее, когда он может отдать ей отчет по своей поездке в глубь страны. Но царица отказалась его принять и велела ему сказать через начальника дворцовой стражи, что ему предстоит дать общий ответ по всем делам перед судом Ареопага.

Ион понял, что она узнала все, и что его власти в Афинах наступил конец; «для меня жизнь в Дельфах под благодатью бога была дороже всех престолов в мире. Но доброго Ксуфа мне жаль; что за горькая, одинокая старость предстоит ему!»

Он вошел к себе в покой, положил в ларец богатый наряд царевича, который ему подарил Ксуф, и вынул из него скромный убор слуги Аполлона, в котором он ходил в Дельфах. Он вынул также старую, но изящную и крепкую корзинку, которую ему Пифия подарила, прощаясь с ним. «С чем пришел, с тем и уйду,» — сказал он про себя; — «все прочее пусть остается в доме Эреффея».

Тем временем Креуса, узнав о возвращении Иона, послала за старшим ареопагитом.

— Кефисодор, — сказала она ему — есть у меня дело для Ареопага. Хочу ему поведать мою обиду, а он пусть решает по правде, покорный завету Паллады. Вели сказать и Иону, чтобы явился в суд.

— Как обвиняемый?

— Нет, как свидетель.

— А кто же обвиняемый?

— Обвиняемого я назову перед судом; не бойся, он услышит мой вызов. Итак, собирайтесь немедленно на скалу Ареса.

— Царица, Ареопаг в эти дни не собирается на скале Ареса.

— А где же?

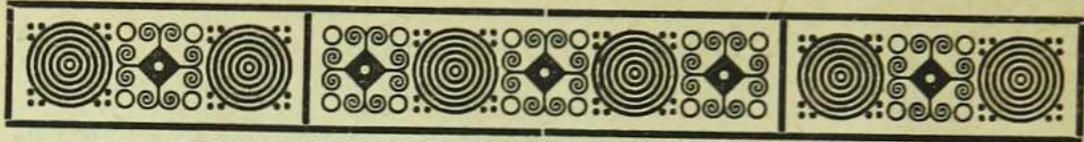
— Под Акрополем, на лугу, что у Долгих скал.

Креуса вздрогнула, — «Почему там?»

— Предстоит отправление торжественной феории в Дельфы, царица; но сигнал к нему должен дать сам Аполлон зарницей с горы-Воза, что в цепи Парнета. И вот теперь наряд ареопагитов, чередуясь, следит с Долгих скал, откуда открывается вид на Парнет, когда появится зарница; если Ареопагу нужно собраться в полном составе — он собирается там.

— Прекрасно, — ответила Креуса с запаенной злобой в голосе, — это даже еще лучше. Итак, ждите меня на лугу у Долгих скал.

XI

Пещера Долгих скал имела теперь уже не тот вид, что двадцать лет назад, когда царевна Креуса собирала здесь цветы на празднике Анфестерий. Густая завеса лавровых деревьев преграждала доступ к ней, оставляя лишь узкое отверстие; но и оно было запретным для всех людей. Таковым его объявила царица Креуса; накануне своей свадьбы она посвятила туда какие то предметы и с тех пор ежегодно, в холодную ночь месяца Посидеона, совершала там какая то священнодействие, о которых никто не должен был ничего знать.

Теперь на лугу перед пещерой было расположено полукругом двенадцать складных стульев; ареопагиты сидели на них, увенчанные зелеными венками, в порядке, определяемом старшинством; в полукруге стоял Ион — таким, каким его знали в Дельфах, и корзинка Пифии лежала у его ног. Все ждали прихода царицы.

Наконец она пришла — бледная, дрожащая, опираясь на руку жрицы Паллады. За ней следовала вся та толпа, которая явилась к ней с оливковыми ветками в тот памятный день и упросила ее отправиться в Дельфы. «Я вам еще не передавала ответа Аполлона, — сказала ей Креуса, — я передам его теперь.»

— Судби на лицо, свидешель тоже; — начал Кефисодор; — скажи нам, царица, кого ты обвиняешь.

Креуса подняла голову, и гневный румянец покрыл ее щеки.

— Его! — крикнула она, показывая на расселину Парнета, с которой прое из ареопагитов не сводили глаз.

— Я была еще девой; полюбилась ему моя красота. Он вызвал меня — свидением в ночь под Анфестерии. А, вы думали, что мой свадебный перем в палатах Эрефея близ дома Паллады? Нет; мой свадебный перем — вот он!

Она протянула руку по направлению к пещере.

«Тогда я не жаловалась; неземное блаженство наполняло все мое существо, я считала себя счастливейшей из жен, что сподобилась носить под сердцем младенца божьей крови. Я все думала: бог придет, он призрит на мою надежду. Но месяцы проходили, и его не было.

«Тайно от всех выносила я божий плод; тайно родила я его в доме Эрефея, до крови закусывая мои уста, чтобы они не выпустили предательского крика из моей груди; тайно перенесла его сюда в пещеру перед очи его забывчивого родителя. И это все, что я знаю о нем.

«Прошло двадцать лет — ни разу бог не вспомнил обо мне. А когда меня заставили отправиться к нему паломницей, и я в запечатанном складне подала ему вопрос, где мой и его сын — он выжег мой вопрос и не ответил мне ничего.

«После меня и муж мой Ксуф отправился к нему; и что же? Ему он даровал то, в чем мне отказал — даровал сына его молодой любви. Этот сын — вот он!

Она указала на Иона.

— Судьи Паллады, — продолжала Креуса. — Вам могучая дочь Громовержца даровала великое право шворить суд и над богами и над людьми: Арес и Посидон подчинились вашему приговору. Рассудите же меня с моим обидчиком, попребуйте от Аполлона, чтобы он вернул мне моего сына!

В эту минуту вооруженный вестник, весь запылавшись, подбежал к Кефисодору и шепнул ему что-то на ухо. Кефисодор вздохнул и снял венок с головы. Все ареопагиты обратили взоры на него: «что случилось?».

— Суд Ареопага продолжается, — громко возгласил Кефисодор.

— Царица, в твоем рассказе не все понятно. Почему ты не открылась своему отцу Эрексею? Он был добр и любил тебя; он наверное нашел бы средства облегчить твои страдания и, не имея сыновей, охотно бы принял внука божьей крови, которого ты родила.

Креуса насупила брови.

— В своем наказе перед разлукой бог запретил мне открываться кому бы то ни было; в этом было довершение обиды. Никто ничего не знал — ни отец, ни няня. Я все выстрадала одна.

— Ты говоришь о наказе; его ты твердо помнишь?

— Еще бы! Огненными письменами запечатлелся он в моем сердце.

— Повтори же его суду словами самого бога.

— Он мне так сказал; «Спасибо тебе, Креуса, на твоей любви; наградой тебе будет чудесный младенец, которого ты родишь, когда Селена в десятый раз сдвинет свои рога. Но ты никому не должна открывать, что отец его — Аполлон...

— Это все?

Креуса ответила не сразу. — Нет, не все, — сказала она наконец почти шепотом.

— Перед судом не должно быть тайны; что еще наказал тебе бог?

— ...и должна его любовно вскормить и воспитать сама, не удаляя его от себя».

— И ты решилась послушаться воли бога?

— Могла ли я ее исполнить? Подумайте! Оставьте при себе рожденного в девичестве ребенка, улику моего позора — и никому, даже родному отцу, не открывать того, что бы меня перед ним оправдало — что я зачала его от бога! О, богу легко было этого потребовать! В начале и я ему была покорна, надеясь, что он придет, подкрепит меня. Но когда месяцы проходили, а его не было, когда настал день, исчерпавший мое тело, и его все не было — тогда и моя душа стала бессильна.

Кефисидор грустно опустил голову.

— Обвинительницу мы выслушали; выслушаем и свидетеля. Ион, сын Эолида, что знаешь ты о своем происхождении?

— Аполлон дал меня сыном царю Ксуфу, — скромно заявил Ион; — это я знаю со слов царя. Сам я этой чести не добивался; если я царице неугоден, я вернусь под сень бога. Прощаясь со мной, Пифия, которая была мне в Дельфах вместо матери, дала мне эту корзинку; «по ней», сказала она, «ты узнаешь свою настоящую мать». «Когда?» спросил я; и она ответила: «когда захочет бог».

— Передай корзинку суду, — сказал Кефисодор. Ион повиновался. Креуса, все время смотревшая на расселину Парнета, тут впервые обратила внимание на нее. Ея сердце судорожно забилось.

Кефисодор развязал веревки, снял покрывку и заглянул внутрь. «Нероскошное же наследие оставила тебе твоя мать», сказал он с улыбкой юноше.

Действительно, все наследие состояло из куска белой ткани, с виду напоминавшего детские пеленки. «А впрочем, — продолжал судья, — в женских работах она была мастерицей. Смотрите, что здесь вышито: поверженный гигант, над ним голова Горгоны. Жаль, что державшая ее рука Паллады оторвана.

Креуса подбежала к судье. Не помня себя от волнения, она бросилась к пещере и тотчас вышла опшуда с хитоном в руках. Она развернула хитон: «смотрите, вот рука Паллады. Видите? все подходит, вся вышивка цела — вышивка моей матери Праксифей».

Она взглянула на Иона. «Судби, судби! Теперь я сама прошу оправдать обвиняемого. Я много выпрадала, но этот миг искупает все: Аполлон вернул мне моего сына!»

Все ареопагиты, кроме одного, поднялись со своих мест. Послышались приветственные крики: «Да здравствует Ион! Да здравствует сын Аполлона! Да здравствует царственный внук Эрехфея!»

Кефисодор дал радости улечься и затем с расстановкой провозгласил!

— Да здравствует царь Ион!

Все оторопели. Как? Царь Ион? Почему царь?

Кефисодор продолжал: «мне грустно огорчать царицу и всех вас в такой радостный миг; но полученное мною только что известие гласит: еврейская раба разбила войском Паллады, — но в бою, храбро сражаясь, погиб наш царь, Кеуф, сын Зола.

Ареопагиты сняли венки. Креуса поникла головой, радостная улыбка на ее устах исчезла, две крупные слезы скатились по ее щекам.

— Он был добр и честен, — сказала она, — и пал смертью героя; да будет же он удостоен могилы в гробнице Эрехфидов!

— А я, мамушка, — прибавил Ион — я отомщу за его смерть. Не бойтесь, сыны Паллады, Евбея будет наша!

— Да здравствует царь Ион! — раздалось опять из уст ареопагитов.

Но тут поднялся тот ареопагит, который до тех пор сидел; это был гражданин угрюмый, но право-

судный и всеми уважаемый за свою щепетильную честность.

— Постойте, граждане, опасайтесь скороспелого приговора. Мы охотно верим тебе, царица, но суд

Ареопага требует не веры, а доказательств. Чем докажешь ты, что тот юноша — он указал на пещеру — был действительно Аполлон, а не смертный?

Но не успел он кончить своих слов, как раздался возглас:

— Зарница с Парнета!

Все обратили взоры туда. Еще два раза, все ярче и ярче озарило расселину над горой.

— Сдаюсь; где бог свидетельствует, там умолкает человек.

— Слава Фебу! Пэан, пэан! — запели женщины.

Все шествие двинулось по направлению к под'ему на Акрополь — впереди всех Креуса, опираясь на руку сына, затем ареопагиты, затем прочая толпа.

— Слава Фебу! Пэан, пэан!

И эхо Долгих скал повторяло радостные вопли:

— Слава Фебу! Пэан, пэан!

ИЗДАТЕЛЬСТВО
М. и С. САБАШНИКОВЫХ

В ПЕТРОГРАДЕ.

Печатаются и готовятся к печати следующие труды Ф. Ф. Зелинского:

И Р Е С И О Н А

(АТТИЧЕСКИЕ СКАЗКИ)

КУБОК ОБИДЫ	ДОМ НА ЮРУ
СОЛОВЬИНЫЕ ПЕСНИ ✓	МУДРОСТЬ ДЕДАЛА
У МАТЕРИ-ЗЕМЛИ ✓	ЦАРИЦА ВЬЮГ
ТЕРЕМ ЗАРИ	ТИРРЕНСКИЙ ПЛЕННИК
ЗАКЛЯТЫЙ ДВОР	КАМЕННАЯ НИВА
ДОЧЬ НЕМЕЗИДЫ	

АНТИЧНЫЙ МИР

Том I. ЭЛЛАДА

Часть I	Часть II
СКАЗОЧНАЯ ДРЕВНОСТЬ	НЕЗАВИСИМАЯ ЭЛЛАДА

Том II. РИМ

Часть I	Часть II
РИМСКАЯ РЕСПУБЛИКА	ВСЕЛЕНСКАЯ ИМПЕРИЯ

ЕВРИПИД. Драмы

Том III (Перевод И. Ф. Анненского):

ИФИГЕНИЯ АВЛИДСКАЯ ◦ ИФИГЕНИЯ ТАВРИЧЕСКАЯ
ИОН ◦ КАКЛОС

Том VI. ОТРЫВКИ (Перевод Ф. Ф. Зелинского):

1. ЦИКЛ АРГОНАВТОВ	4. ТАВРИЧЕСКИЙ ЦИКЛ
2. АРГОССКИЙ ЦИКЛ	5. АТТИЧЕСКИЙ ЦИКЛ
3. ФИВАНСКИЙ ЦИКЛ	6. ИЗ РАЗНЫХ ЦИКЛОВ

M. N. C. СЕВЕРИНСКОЕ

ВВЕДЕНИЕ

ОБЪЕМ РАБОТЫ

ОБЪЕМ РАБОТЫ

